

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 811.161.1'373.23
doi 10.17072/2073-6681-2023-3-5-15

Семантические микросистемы в прозвищной антропонимии Русского Севера

*Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-18-00439
«Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России»*

Елизавета Олеговна Борисова

к. филол. н., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. joborisowa@yandex.ru

SPIN-код: 8131-6080

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3749-3307>

ResearcherID: J-3727-2017

Статья поступила в редакцию 13.04.2023

Одобрена после рецензирования 08.05.2023

Принята к публикации 08.06.2023

Информация для цитирования

Борисова Е. О. Семантические микросистемы в прозвищной антропонимии Русского Севера // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 3. С. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-5-15

Аннотация. В статье анализируются семантические микросистемы в прозвищной антропонимии Русского Севера, под которыми понимаются два и более прозвища, образованные от семантически связанных (синонимичных, антонимичных, входящих в одну тематическую группу и т. д.) апеллятивных лексем и функционирующие в одном микросоциуме. Материал для анализа извлечен из картотек Топонимической экспедиции Уральского федерального университета, большая его часть впервые вводится в научный оборот. В первой части статьи перечисляются зафиксированные семантические микросистемы и определяются типы системных отношений апеллятивной лексики, которые актуализируются в прозвищной антропонимии; вторая часть статьи посвящена описанию социальных отношений между людьми, повышающих вероятность наделения их семантически связанными прозвищами. Деревенский микросоциум представляет собой достаточно замкнутую систему, внутри которой все участники хорошо знают друг друга, а имена и фамилии обладают высокой повторяемостью, поэтому прозвища выполняют прежде всего характеризующую и дистинктивную функции. В семантической микросистеме оним реализует свой ассоциативный потенциал и вместе с тем маркирует место человека в социуме (принадлежность к семье, дружеские и рабочие связи и т. д.), усиливая функции отдельного прозвища. Наиболее продуктивно семантические микросистемы формируют слова из одной тематической группы (Копейка и Полушка, Груздь и Волнушка), антонимы и оппозиции (Васька Белый и Васька Чёрный; Ванька Нагорный и Ванька Подгорный), а обладателями семантически связанных прозвищ обычно становятся мужья и жены, братья и сестры, а также друзья и подруги.

Ключевые слова: антропонимия; севернорусские говоры; прозвища; ассоциативный потенциал слова; семантическая микросистема.

Прозвища (особенно в ограниченном сельском микросоциуме) «обнаруживают сильно развитую способность переходить с одного человека на другого» [Визгалов 1971: 93], закреплять во внутренней форме имени не только индивидуальные черты личности, но и родственные связи, отношения с другими людьми. В настоящей статье рассматривается один из вариантов системных отношений в прозвищной антропонимии – прозвища, образованные от семантически связанных апеллятивных лексем или онимов (при использовании в качестве прозвищ прецедентных имен): например, прозвища двух братьев *Ёри* и *Окунь*, жительниц одной деревни – *Ульяна Полевая* и *Ульяна Сельская*, мужа и жены – *Мороз* и *Метелица*. Два и более прозвища, образованные от семантически связанных апеллятивных лексем и функционирующие в рамках одного микросоциума (в одном населенном пункте), мы будем считать **семантической микросистемой**.

Актуальность данной темы определяется несколькими факторами. Так, прозвища как класс антропонимов активно изучаются в современной ономастике на материале разных социальных групп и исторических периодов. Прозвища, функционирующие в диалектной речи, представляют особый интерес для ономастов, поэтому часто становятся предметом отдельных исследований: прозвища в нескольких районах Свердловской области рассматривает П. Т. Поротников [Поротников 1975 и др.], Воронежской – Л. Н. Верховых [Верховых 2008] и Е. В. Сьянова [Сьянова 2007], Смоленской – Т. Т. Денисова [Денисова 2007], Ярославской – И. П. Кокарева [Кокарева 1998], арзамасским говорам посвящены работы А. В. Гузновой [Гузнова 2018 и др.] и т. д. На протяжении нескольких десятилетий Топонимическая экспедиция Уральского университета осуществляет сбор, в числе прочих групп ономастической лексики, прозвищной антропонимии на территории Архангельской, Вологодской, Костромской, Свердловской и ряда других областей, говоры которых исторически связаны с севернорусскими. За время работы экспедицией было зафиксировано значительное количество индивидуальных прозвищ (по предварительным подсчетам, более 20 тысяч), многие из которых в данный момент не введены в научный оборот. Настоящая статья полностью основывается на данных антропонимических картотек Топонимической экспедиции (далее – ТЭ), публикующихся в абсолютном большинстве впервые¹.

Исследователи сходятся во мнении, что по своему возникновению и функционированию прозвища значительно отличаются от других видов онимов. Они используются преимущественно

но в устной форме и в ситуациях неформального общения, вторичны по отношению к личным именам и, в отличие от них, опираются обычно на реальные признаки денотата, а потому выполняют в большей степени характеризующую и оценочную функции, чем номинативную. Не имея официальной формы, прозвища демонстрируют высокую вариативность: у одного человека может быть несколько прозвищ одновременно или одно прозвище может быть со временем заменено на другое. И наконец, прозвища могут вступать в системные отношения друг с другом, с прозвищами других разрядов, с официальными именами и фамилиями.

Обычно исследователи обращают внимание на тенденцию создания нехристианского имени или прозвища на основе семантически соотносимых апеллятивных лексем, рассматривая антропонимическую систему в Древней, или средневековой, Руси. Так, в предисловии к «Ономастикону» С. Б. Веселовского В. И. Буганов отмечает: «С. Б. Веселовский делал для себя пометки о группах схожих по смыслу имен и прозвищ» [Буганов 1974: 5], например: Степан Пирог и Иван Оладыны – 1518 г., Андрей Каравай Оладын – 1527 г., Матвей Кундум Пирогов; у Никиты Васильевича (1528 г.) были сыновья Софон Мешок (1549 г.), Иван Шарап и Иван Мешочек, а у Мешка сын Осип Карман; у новгородского помещика Ивана Линя, жившего в середине XV в., были сыновья Андрей Сом (1478 г.) и Окунь Ивановичи (1495 г.) [там же: 6].

Тему «антропонимического воплощения семейного единства» в средневековой Руси, среди других принципов имянаречения в этот период, разрабатывают Ф. Б. Успенский и А. Ф. Литвина [Литвина, Успенский 2021]. Указывая на важность «манифестации родовой преемственности» и «горизонтальной целостности семьи» для правящей знати и людей, обладающих значительным имуществом, Ф. Б. Успенский и А. Ф. Литвина отмечают, что «не было, пожалуй, более наглядного средства для выражения этой преемственности, чем имена собственные» [там же: 83]. Описывая варианты возникающей антропонимической системности (варьирование родового имени, наречения нескольких братьев именами святых, непосредственно связанных в агиографической традиции, и т. д.), исследователи называют «наделение членов одной семьи нехристианскими именами, чьи значения лежат в одном семантическом поле» [там же: 83]: братья *Бедро* и *Голень*, *Чулок* и *Баимак* и т. д.

Укажем также на некоторые работы, в которых анализируются случаи семантического взаимодействия онимов или подвергающихся они-мизации исходных апеллятивов в прозвищной

антропонимии. П. И. Визгалов [Визгалов 1971; Визгалов 1973] рассматривает понятия синонимии и вариантности применительно к прозвищам и отмечает, что прозвища нередко «отражают не какой-либо признак объекта, а лишь какую-либо его связь с другим объектом, иногда очень случайную», переходят «с одного человека на другого: с матери или отца на сына или дочь, с мужа на жену, с жены на мужа и т. д.» [Визгалов 1971: 93]. Примеры семантически связанных вариантов прозвищ, относящихся к одному человеку, приводит Е. Л. Березович, отмечая, что необходимо различать параллельные названия объекта, в которых «исходные апеллятивы не обнаруживают семантической связи друг с другом», и непосредственно варьируемые, «появившиеся вследствие семантического “отталкивания” от исходного имени» [Березович 1994: 46]. «Смысловые ассоциации» в отфамильных прозвищах (*Сметанин* → *Сливки*, *Курникова* → *Цыпа*) рассматривает, например, О. В. Боронина [Боронина 1980].

В настоящей статье мы проанализируем семантические микросистемы, образованные прозвищами разных членов социума, и предпримем попытку выяснить, какие системные связи апеллятивной лексики (синонимические, антонимические, гипо-гипонимические) актуализируются в прозвищных микросистемах, а также назовем варианты отношений между носителями семантически связанных прозвищ во внеязыковой действительности.

Для представления о логике формирования антропонимических микросистем кажется продуктивным использовать понятие ассоциативного потенциала слова, введенного в психолингвистических исследованиях, где это явление определяется как «совокупность формально-семантических реакций, которые может вызывать слово в сознании носителей языка – с учетом динамики их актуализации в дискурсивных практиках социума и конкретных индивидуумов» (см.: [Гридина 1996]). Ассоциативный потенциал имени является «апперцепционной основой лингвокреативного мышления, позволяющего создавать нечто новое на базе уже созданного» [Гридина 2015: 149]. Прозвища относятся к числу онимов, в которых лингвокреативность проявляется наиболее ярко за счет преобладания характеризующей функции над идентифицирующей. «В этом процессе задействованы как системно обусловленные (иерархические, парадигматические и синтагматические) связи вербальных единиц, так и контекстуальные аспекты актуализации АПС (например, обыгрывание внутренней формы слова, коннотативные приращения смысла, окказиональное словотворчество и т. п.)» [там же].

При выделении микросистем мы ориентируемся на семантику апеллятива, который становится прозвищем, его системно-языковые связи и сферу функционирования прозвища. Уточним также, что во многих случаях взаимосвязь онимов отмечают непосредственно члены социума (костр. (ней.) «Старшего у меня Большой Хрюм звали, а младшего – Маленький Хрюм» и под.), однако они ориентируются не только на лексические отношения прозвищ и исходных апеллятивов, но и на социальные отношения носителей прозвищ, иногда «притягивая» мотивационные объяснения там, где они не очевидны: волог. (кад.) «Старший брат Мамонт – высокий, а младший брат Мерин, низкий был, здоровучий».

В некоторых случаях прозвище образует микросистему с официальным именем или фамилией, если их звучание отчетливо напоминает апеллятивную лексику, обладающую определенным ассоциативным потенциалом (О. В. Боронина отмечала подобные случаи в связи с отфамильными прозвищами, см.: [Боронина 1980: 112]): арх. (пин.) *Царіца* ‘прозвище жительницы д. Печгора’: «Мужу *Царивон* имя было»; чел. (касл.) *Чугунка* ‘прозвище жительницы с. Огнёво’: «Мужик у неё *Котельников*, а она, значит, *Чугунка*»; кир. (котел.) *Лисёнок* ‘прозвище жителя д. Барановщина’: «сын *Лизы*»². Такого рода примеры мы на данном этапе рассматривать не будем.

В первой части статьи представим зафиксированные прозвищные микросистемы, разделив на примерные группы в зависимости от актуализирующихся в них системно-языковых отношений. Отметим, что в картотеке ТЭ большинство прозвищ снабжаются контекстом, раскрывающим версию информанта о причинах возникновения прозвища, личностных особенностях его обладателя и т. д., однако при перечислении выявленных микросистем мы приведем только наиболее яркие и показательные контексты. Информация, содержащаяся в комментариях, будет использована во второй части статьи, посвященной описанию социальных отношений между людьми, повышающих вероятность наделения их семантически связанными прозвищами.

I. Системно-языковые связи исходных апеллятивов

1. В первую группу антропонимических микросистем мы объединили прозвища, образованные на базе антонимичных лексем или, согласно терминологии психолингвистических исследований, оппозитивов – пар слов, которые субъективно воспринимаются как противопоставленные по значению. В прозвищных номинациях могут актуализироваться следующие признаки:

- **место жительства:** костр. (пыщ.) *Ульяна Полевая* и *Ульяна Сельская*: «А маму так всё звали Ульяна Полевая. Передпоследний дом в поле. Там Ульяна была Сельская, она в селе жила. А наша на краю деревни»; арх. (прим.) *Ванька Нагорный* и *Ванька Подгорный*; арх. (холм.) *Подозёр* и *Надозёр*;

- **рост или возраст:** костр. (парф.) *Целиков Маленький* и *Целиков Старый*; костр. (нейск.) *Маленький Хрюм* и *Большой Хрюм*; волог. (тот.) *Елена Маленькая* и *Елена Большая*; арх. (онеж.) *Лёня Малый* и *Лёня Большой*; волог. (кад.) *Маленький Кешка* и *Большой Кешка*; арх. (плес.) *Старый Котель* и *Молодой Котель*: «Мужик был Котелев по прозвищу Котель. А жена его – Котелиха – к Попову ушла, его стали звать Молодой Котель, а старого мужа – Старый Котель» (в данном случае возможна несколько иная трактовка прозвищ, если мужья обозначаются по порядку следования, как «новый» и «старый»);

- **цвет (по-видимому, кожи или волос):** арх. (прим.) *Васька Белый* и *Васька Чёрный*; костр. (вохом.) *Валя Белая* и *Валя Чёрная*; яросл. (пош.) *Коля Белый* и *Вася Красный*.

2. Основной объем антропонимических микросистем составляют случаи, когда исходные апеллятивы, лежащие в основе прозвищ, входят в одну тематическую группу. При создании такого рода микросистем отмечается использование большого разнообразия семантических сфер, творческая фантазия и ироническое осмысление действительности номинатором. Назовем тематические группы в порядке убывания количества примеров.

Зоонимические метафоры многочисленны в прозвищной антропонимии в целом и в нашем материале также представлены широко. Среди животных выделяются:

- **насекомые:** арх. (вил.) *Комар* и *Мошка*; костр. (шар.) *Муха*, *Комар* и *Слепень*;

- **рыбы:** арх. (прим.) *Загрёвка* и *Залёдка*³: «Две сестры было, Нюрка Залёдка и Манька Загрёвка. Одна в апреле родилась, другая в июле»; арх. (вил.) *Елец* и *Шакля*: «Они брат и сестра были; в детстве играли, он ей говорит: “Я буду елец, а ты шакля”»; арх. (мез.) *Селёдкин* и *Наважкин*: «Колька Наважкин всё за навагой ходил, а его дружок Митька Селедкин – за селедкой»; костр. (кологр.) *Ёрш* и *Окунь*; арх. (сев.-двин.) *Камбалиха* и *Сельдя*; арх. (мез.) *Карас* и *Окунь*;

- **птицы:** арх. (прим.) *Кукушка*, *Сорока*, *Ворона* и *Дрозд*; арх. (кон.) *Утка*, *Гагара* и *Шанара*⁴; арх. (онеж.) *Орёл* и *Ястреб*; волог. (кир.) *Грач* и *Ворона*.

Интересно, что в д. Вольская Коношского района Архангельской области сформировалась

целая «птичья стая», при этом каждое прозвище объяснялось, по мнению информантов, личностными особенностями его обладателя: *Воробей* («Чирикает всё, как воробей»), *Галка* («Порат головой вертела, вот и Галка»), *Псинка* («Псинка хитрая была, как птичка псинка, маленькая, серая, хвостик алый, везде заберётся»), *Плишка* («Плишка говорит, а ничево не сделает»), *Ворона* («У Вороны волосья век растрёпаны были, вот и звали птицей»), *Кокуша*, *Сорока* («Сорока порат бойкая была, ужо скачет, как сорока»). Пример птичьих номинаций жителей в этой деревне, коллективное прозвище которых *Птица Вольская*, рассматривает среди других коллективных прозвищ Ю. Б. Воронцова, см.: [Воронцова 2002].

Обозначения **домашних животных**, отсутствующие в списке, также становятся прозвищами, однако микросистемы чаще всего образуют по модели гендерных пар (будет описана ниже), поэтому в данную группу мы включили только костр. (солигал.) *Шарик* и *Бобик* (прозвища двух братьев, соответствующие распространенным кличкам собак).

В трех тематических группах обращают на себя внимание повторяющиеся микросистемы или их элементы. Так, в роли прозвищных антропонимов выступают слова, называющие **высокий статус (чин, звание, титул и т. д.)**: арх. (лен.) *Царь* и *Бог*: «У нас в Выемковке был свой царь и свой бог: Царь – это Иван Егорович, а Бог – это мой двоюродный брат»; арх. (прим.) *Царь* и *Король*: «Смешные названия были, Царь да Король да. А какие цари – всё свои мужики, яреньжана⁵»; арх. (мез.) *Барин*, *Царь* и *Генерал*. *Бог* также образует антропонимическую микросистему с *Чёртом*: «Бог мужик был, Бог всё божился, а Чёрт чертыхался, тоже наш мужик» (арх. (мез.)). По-видимому, дифференциация по возрасту и статусу лежит и в основе арх. (вил.) *Пионер* и *Комсомолец*: «Всё говорил: “Я пионер”, – когда мальчиком был. Очень гордился. А брата его Комсомолец назвали». В нескольких населенных пунктах независимо друг от друга повторяется микросистема, образованная наименованиями «старших» **игральных карт**: арх. (кон.) *Валет*, *Король*, *Туз* и арх. (вил.) *Валет*, *Король* и *Туз*; костр. (кад.) *Дамка* и *Тузик*: «Муж её – Тузик, а она Дамка. Всё раньше ругались, собачились⁶. Прозвищные микросистемы образуют **фамилии** сменяющих друг друга **партийных лидеров**: волог. (в.-уст.) *Ленин*, *Сталин* и *Хрущёв*: «Сталин был, Хрущёв утонул, а Ленин жив»; арх. (вил.) *Ленин* и *Сталин*: «Федька-то Ленин плешатой был» и «Мишенька был плешатой, дак ево Сталин звали⁷».

Достаточно продуктивны обозначения **дежных единиц и мер веса**: костр. (пав.) *Ваня*

Фунтик и *Вася Килограмм*; арх. *Копейка* и *Полушка*; арх. (пин.) *Грошик* и *Копейка*: «Жонка назвала, я Копейка да хозяйка, ты Пятак да козак, а Грошиком место Копейки прозвали» и **растений (прежде всего грибов)**: костр. (окт.) *Огурчик* и *Зозуля*⁸; арх. (котл.) *Грузель* и *Еловик*, костр. (кадый.) *Груздь* и *Волнушка*. Чуть реже встречаются **природные явления**: арх. (прим.) *Кури́нушка*⁹ и *Пыли́нушка*, арх. (вил.) *Мороз* и *Метелица (Кутерьга)*¹⁰. Неожиданно почти не отмечены **предметы быта**: арх. (верхнетоем.) *Чурочка* и *Коло́точка*: «Мужики Чурочка и Колоточка рядом жили. Чурочка небольшой такой, круглый, как чурочка, и Колоточка такой же, ну как колоточка, сколина такая» и – с некоторой условностью – костр. (шар.) *Сабля* и *Бритва*.

По одному разу зафиксированы названия **музыкальных инструментов**: волог. (к-г.) *Манька Барабан* и *Манька Граммофон*, **признаков пищевых продуктов**: волог. (ник.) *Егор Горькой*, *Егор Кислой* и *Егор Сладкой*, **веществ и материалов**: волог. (кир.) *Оловянный Глаз* и *Мидяный Глаз*, **внешних данных человека**: арх. (вин.) *Хромушка* и *Горбушка*.

3. Частный случай выбора слов из одной тематической группы представляют собой гендерные пары или обозначения родителей и детей (чаще всего это варианты, актуальные для семейной микросистемы, о чем мы скажем ниже).

Абсолютное большинство примеров такого типа – это наименования **самцов, самок и детенышей животных**: арх. (онеж.) *Курица* и *Петух*; арх. (прим.) *Петушок* и *Курочка*; арх. (котл.) *Поросюха* и *Поросёнок*; кир. (дар.) *Свинья* и *Поросёнок*; арх. (холм.) *Баран* и *Овца*: «Баран упрямый был, всё по-свойски делал, а жёнку его ни про что Овцой прозвали»; арх. (котл.) *Козёл*, *Козлуха* и *Козлята*; арх. (вил.) *Кошка* и *Котко*; арх. (прим.) *Кот*, *Котиха*, *Котишка*, *Старый Кот* и *Киса Маленький*; арх. (уст.) *Лисица* и *Лисёнок*; арх. (уст.) *Галка*, *Галчонок* и *Галчата*.

Реже представлены **мужские и женские варианты титулов** (арх. (прим.) *Граф* и *Графиня*: «Граф и Графиня были – раскулаченные»; арх. (кон.) *Царевичи* и *Царевна*: «Отец и дед Царевичи, она – Царевна»; арх. (мез.) *Царь* и *Царевна*), **профессии** (костр. (пыщ.) *Сашка Поп* и *Римка Попадья*) и **имена известных семейных пар** (волог. (уст.-куб.) *Ленин* и *Крупская*: «Он видел Ленина у нас, да лысый был. А её Крупская прозвали»).

Отметим общие тенденции формирования микросистем из слов одной тематической группы. В «парных» прозвищах часто учитывается грамматический род слова и гендерная принадлежность владельца прозвища: арх. (вил.) *Комар*

и *Мошка* (друг и подруга), арх. (холм.) *Баран* и *Овца* (муж и жена), костр. (кадый.) *Груздь* и *Волнушка* («Он Груздь, а она Волнушка») и т. д. При поиске пары другого грамматического рода могут привлекаться гипонимы или гиперонимы: «Мужик себя прозвал Огурчиком, а женщина к нему ушла жить. И эту женщину стали звать Зозуля. Такая здоровая, а огурцы зозуля тоже здоровые». Интересны также случаи повторения мотивационного признака в разных лексических воплощениях, своеобразная «семантическая редупликация»: арх. (прим.) *Кури́нушка* и *Пыли́нушка*; арх. (кон.) *Утка*, *Гагара* и *Шанара*: «Три бабы жили: Утка, Шанара да Гагара, все крикливые»; костр. (шар.) *Сабля* и *Бритва*: «А я прозвал двух доярок Сабля да Бритва. Им слова не скажи. Я им слово, а они мне десять».

3. Слова, создающие семантическую микросистему, могут быть связаны не только устойчивыми парадигматическими связями, как в примерах выше, но и ассоциативно: например, называть предметы, использующиеся вместе, воспроизводить одну ситуацию действительности и т. д.: арх. (верхнетоем.) *Сало* и *Сковородка*: «Серьга-Сало, а жонка Сковородка. Есь сковорода и сало, за мукой дело стало»; костр. (шар.) *Крючок* и *Петля*; арх. (верхнетоем.) *Огонь* и *Лучина*: «Огонь да Лучина вместе жили»; арх. (вил.) *Пестик* и *Ступка*: «(Пестик) маленький и толстый был, а жену его Ступка пошто-то звали»; волог. (ник.) *Утюг* и *Железная*: «Они его (мужа) наругивали, а свёкор ещё и прозвище дал. И мне дал – Железная, сильная. “А ты, – говорит, – Утюг, ничё ей не помогаешь”»; арх. (вельск.) *Трубач* и *Трубка*; кир. (котел.) *Черень*, *Чернушка* и *Черначок*. Семантически не связанные в момент создания прозвища могут образовать «ассоциативную» систему при возникновении социальных связей между их обладателями: арх. (холм.) *Сметана* и *Шаньга*: «Шаньга да Сметана вместе жыли, дружно семейство», «Сметана да Шаньга рядом жили. Сметана женился на Шаньге и говорит: “У меня всё при себе – сметана да шаньги”».

Как видно из представленного материала, обычно микросистему образуют два (реже три) онима. Однако иногда возникают микросистемы из четырех и более тематических прозвищ: «Их Котов много: Сенька Кот, жена его – Котиха, есть ещё дочь – Маруся Котишка, а у деда – Старого Кота – есть правнук – Киса Маленький» (арх. (прим.)). Обращает на себя внимание, что в таких случаях информанты нередко отмечают осознанное создание прозвищ по заданной модели: «Меня прозывали Прокурором, я всегда осужу хорошо, правильно, есть Доносчик – она про всех знает, сплетни доносит, Нинка – Защитник,

она ко всем по-доброму, ее все любят, Участковый тоже был, она тоже про всех выводывала, а Лидею Адвокатом звали, просто так, чтоб как у всех была “должность”» (костр. (вохом.)).

II. Социальные отношения носителей семантически связанных прозвищ

Во второй части нашей статьи мы проанализируем, какие языковые и внеязыковые факторы повышают вероятность возникновения семантических микросистем. Проследим, кто обычно становится обладателем системных прозвищ, а также как соотносятся социальные отношения обладателей системных прозвищ и системно-языковые отношения исходных апеллятивов (описанные в первой части).

Наиболее часто семантические микросистемы образуют прозвища членов одной семьи. Именование человека по его принадлежности к семье – древняя и продуктивная модель образования онимов. Наиболее распространенные варианты – обозначение детей по имени (прозвищу) отца или матери и жены – по имени (прозвищу) мужа – закреплены в языковой системе на словообразовательном уровне и хорошо изучены (так, во многих работах описывается происхождение фамилий от имен и прозвищ [Селищев 1968: Чичагов 1959 и др.], женские прозвища на *-иха* рассматриваются, например, П. Т. Поротниковым [Поротников 1970] и т. д.).

В отдельных работах высказывается предположение, что подобные «отпрозвищные» номинации, некогда составляющие основу антропонимикона, в современном деревенском социуме встречаются достаточно редко и, по-видимому, уступают место прозвищам, актуализирующим индивидуальность, а не принадлежность. Как отмечает Е. А. Берестова, «возможно образование женских прозвищ на *-их(а)* не только от фамилии, но и от имени мужа. Вместе с тем такие примеры единичны и, вероятно, представляют уходящий в прошлое принцип неофициального именования» [Берестова 2015: 143].

Однако материалы Топонимической экспедиции подтверждают, что на изучаемой нами территории подобные словообразовательные модели демонстрируют высокую продуктивность: арх. (лен.) «Петруниха была, Гришиха, Федюниха. По мужу звали»; арх. (уст.) «Писарь по профессии были писарем. Дети – Писарята, у Писарят ещё Писарята рождаются»; арх. (уст.) *Полистинёнок*: «Бабка была Поля – по прозвищу Полистина – Полистиха» и мн. др.

Возникает вопрос: могут ли получившиеся словообразовательные пары антропонимов считаться семантической микросистемой? Нам

представляется, что при присоединении к прозвищу продуктивных суффиксов, обозначающих, например, лиц женского пола или детей, семантика производного онима почти сводится к указанию на принадлежность: костр. (мак.) *Шестериха*: «По прозвищу мужа – Шестерик»; костр. (вохом.) *Козлиха*: «Обозвали человека Козлом – он через огород перепрыгнул – на Кошелёве был Козёл. А жену его Надьку Козлихой стали звать, да и дети-то – Козлята» или волог. (верхеуст.) *Козлуха*: «У её мужа прозвище Козёл было»¹¹; волог. (ник.) *Котиха*: «Котом мать прозвала. <...> И жена Котиха, и дети – Котята». В приведенных примерах при создании женского варианта прозвища задействуются не семантические и словообразовательные связи исходного апеллятива (ср. *козёл* – *коза*, *кот* – *кошка*), а существующая антропонимическая модель. К семантическим микросистемам мы предлагаем относить случаи, когда пара подбирается «по смыслу», или, другими словами, актуализируются семантические связи исходного апеллятива (или имени собственного, выступающего в роли прозвища, ср. волог. (уст.-куб.) *Ленин* и *Крупская*). Так, например, женой *Петушка* может быть *Куручка* (арх. (прим.))¹², женой *Барана* – *Овца* (арх. (холм.)), женой *Царя* – *Царевна* (арх. (меж.)) и под. Прозвище мужа также может быть спровоцировано прозвищем жены: «У Али Кошки муж был, всё Котко звали» (арх. (вил.)).

Использование обозначений гендерных пар наиболее распространено в семейных антропонимических микросистемах, потому особенно интересно отметить случаи появления их в другой роли. Например, *Курица* и *Петух* – два друга: «Этот-то маленькой ростом, Курица, а Колька высокий – Петух называют» (арх. (онеж.)), *Поп* и *Попадья* – учительница и ученик: «Учительница у нас была, мы ее звали Римка Попадья за то, что она в длинном платье всегда ходила. Парень у нас в классе учился – Сашка, так он, когда она по коридору шла, ей кричал: “Попадья, попадья!” А она ему в ответ: “Раз я попадья, то ты поп!” Так его и прозвали Сашка Поп» (костр. (пыщ.)).

В некоторых антропонимических микросистемах совмещаются «словообразовательный» и «семантический» варианты образования прозвищ: арх. (прим.) *Кот*, *Котиха*, *Котишка*, *Старый Кот* и *Куса Маленький* или арх. (вил.) *Мороз* и *Морозиха* (*Метелица*, *Кутерьга*) «Мужа её Мороз звали, суровый был мужик. Её Морозихой назвали по мужу-то, а потом Метелицей стали звать, Кутерьгой».

Для маркирования детско-родительских отношений в апеллятивной и антропонимической лексике используются сходные словообразовательные средства, ср.: волог. (бел.) *Воронёнок* –

сын *Вороны* и общенар. *воронёнок* ‘птенец ворона или вороны’, поэтому трудно определить однозначно, в каком случае антропонимы формируют семантическую микросистему¹³. Однако обращают на себя внимание примеры отступления от логического членения мира: арх. (верхнетоем.) *Петушиха* – мать и *Курица* – дочь: «Мать была Петушиха, а её Курицей прозвали»; арх. (уст.) *Лисёнок* – отец и *Лисица* – дочь: «Дано девушке по прозвищу отца, которого звали Федька-Лисёнок». Один раз также фиксируется случай обозначения нескольких поколений семьи словами из одной тематической группы: костр. (шар.) *Муха*, *Комар* и *Слепень*: «Муха у нас есть да Комар. Деда их звали Слепень, а сына назвали Мухой. Это прозвище тако. А Комар – этого уж Мухи сын, внук Слепня». Особо выделим два примера номинации отца и сына с помощью замены приставки в прозвище на антонимичную: арх. (прим.) *Ванька Нагорный* и *Ванька Подгорный*: «У него дом на горе стоял. А сына Подгорным звали, чтоб различать их» и арх. (холм.) *Подозёр* и *Надозёр*: «Подозёр сын Надозёра».

Горизонтальные родственные связи – между детьми одной семьи – обычно маркируются словами одной тематической группы с близким значением: арх. (прим.) *Загровка* и *Залёдка*, костр. (солигал.) *Шарик* и *Бобик*, костр. (кологр.) *Ёри* и *Окунь*, арх. *Копейка* и *Полушка*, арх. (котл.) *Грузель* и *Еловик* и др.

Фиксируется несколько случаев, когда родители (прежде всего отец) сами придумывают прозвища для своих детей, не всегда при этом следуя тематическому принципу: арх. (вил.) «Мужик своим сыновьям прежних купцов имена дал – Гарутин, Коробов, Метелёв»; волог. (кир.) «У одного было три дочери, он их звал Змея, Шука и Лопата», волог. (кир.) «Бывают и такие, сами детям своим клички дают, один восьмерых детей нарёк, всех ни помню. Старшая дочь – Плесень, сын Саша – Вредный, другой сын, гармонистом был, – Кинос, младший сын – Нужда».

Как мы отмечали выше, в некоторых случаях информанты перечисляют прозвища членов одной семьи в одном контексте (и часто находят между ними мотивационные связи), однако представляется, что этому способствуют экстралингвистические факторы – знание о родстве носителей прозвищ. Назовем примеры такого рода номинаций, между которыми наблюдаются определенные «переклички», однако отнесение их к семантическим микросистемам спорно: костр. (кологр.) *Хорёк*, *Пупырёк* и *Незавидная*: «Доцки – одну Хорёк звали, другу Пупырёк, а третья Незавидная, не больно они красовитые были»; арх. (котл.) *Воробей* и *Дружко*: «Все

шьет, как воробей, все ему надо робить. А брат лентяй, Дружко звали».

Семантически связанными и часто фонетически созвучными являются лексемы, называющие друзей и подруг: арх. (вин.) *Хромушка* и *Горбушка*: «Две подруги, одна хромая, другая с горбом, так и зовут Хромушка и Горбушка»; арх. (прим.) *Куринушка* и *Пылинушка*: «Две подружки были, Куринушка да Пылинушка, а отчего их так звали – не пойму»; арх. (мез.) *Селёдкин* и *Наважкин* и т. д. В обоих случаях являются друзьями *Валет*, *Король* и *Туз*: «Его ещё в детстве звали Король. Он важный был. А друзья его Туз и Валет» (арх. (вил.)) и «Три друга были, так их так звали» (арх. (кон.)).

Могут образовывать семантические микросистемы прозвища соседей и членов одного трудового коллектива: волог. (кир.) *Оловянный Глаз* и *Мидянный Глаз*: «Оловянный Глаз да Мидянный Глаз соседками были»; арх. (вил.) *Комар* и *Мошка*: «Играли в детстве, он ей говорит: “Я буду комар, а ты мошка”. Они соседями были, их и теперь так зовут»; арх. (онеж.) *Орёл* и *Ястреб*: «Орлы были и Ястребы, соседи они, бойкие были. Он Орёл, хозяйка Орлиха, дети Орлики. Он Ястреб, жена Ястребиха»; костр. (шар.) *Сабля* и *Бритва*: «А я прозвал двух доярок Сабля да Бритва» и др.

Вероятность возникновения прозвищ вообще и антропонимических микросистем в частности возрастает, если дружат люди с одинаковыми личными именами или есть необходимость дифференциации тёзок в одном коллективе: арх. (прим.) *Васька Белый* и *Васька Чёрный*: «В одной бригаде работали, один чёрный, другой белый»; костр. (вохом.) *Валя Белая* и *Валя Чёрная*: «Мы подруги, так звали Валя Чёрная и Валя Белая»; яросл. (пош.) *Коля Белый* и *Вася Красный*: «Он с Васей Красным друг»; волог. (к-г.) *Манька Барабан* и *Манька Граммофон*: «По соседству жили Манька Барабан и Манька Граммофон. Одна быстро говорила, другая громко»; волог. (ник.) *Егор Горькой*, *Егор Кислой* и *Егор Сладкой*: «В Травине, дак три Егора было, один Кислой, один Сладкой и Горькой. Два Егора родственники, и фамилия одна, а один, которой приехал, тот Кислой» и др. Как видно из примеров, в этом случае продуктивна «антонимичная» модель, подчеркивающая некоторые различия при значительном сходстве.

Итак, формируя семантическую систему, оним реализует свой ассоциативный потенциал и маркирует место человека в социуме (принадлежность к семье, дружеские и рабочие связи и т. д.). Деревенский микросоциум представляет собой достаточно замкнутую систему, внутри которой все участники хорошо знакомы друг с другом,

поэтому логически можно было бы предположить, что семантически связанными прозвищами могут наделяться любые члены социума, обладающие заметным сходством. Однако наши материалы демонстрируют, что семантические микросистемы обычно образуют прозвища людей, которые связаны прежде всего социальными отношениями: родители и дети, братья и сестры, друзья и подруги. Таким образом, в основе возникновения системных отношений в прозвищной антропонимии – именование человека с ориентацией не только на его личные качества и характеристики, но и родственные и социальные связи. Вероятность возникновения антропонимической микросистемы повышается, если совпадают личные имена. Это особенно важно для деревенского социума, где личные имена и фамилии нередко обладают высокой повторяемостью и, соответственно, прозвища выполняют дистинктивную функцию, усиливающуюся системными связями онимов.

Отметим некоторые особенности антропонимических микросистем.

Путем использования антонимов или «контекстных» антонимов обозначается дифференцирующий признак субъектов, имеющих значительные сходства. Обычно такие прозвища получают обладатели одинакового имени (*Валя Белая* и *Валя Чёрная*) или отец и сын (*Подозёр* и *Надозёр*).

Наиболее продуктивно семантические микросистемы формируют слова из одной тематической группы, что дает возможность составлять системы из нескольких (трех и более) элементов (*Барин*, *Царь* и *Генерал*; *Валет*, *Король* и *Туз*). Гендерные пары из животного мира используются, как правило, в семейных микросистемах, называя, например, мужа и жену (*Баран* и *Овца*). Дети и родители, мужья и жены, братья и сестры, а также друзья и подруги в целом наиболее часто становятся обладателями семантически связанных прозвищ. Встречаются, однако, и неординарные случаи, например, «парными» прозвищами наделяются первый и второй муж одной женщины (*Старый Котель* и *Молодой Котель*).

Некоторые прозвища тяготеют к формированию микросистем. На в целом небольшом материале (около 100 микросистем) несколько раз повторились игральные карты (*Туз*, *Валет* и *Король*), фамилии известных личностей (*Ленин*, *Сталин*) и денежные единицы (*Копейка*). В ряде случаев это объясняется частностью самого прозвища и очевидностью ассоциативного ряда (так, *Лениных* зафиксировано на изучаемой территории более десяти), но не всегда. Так, *Короли* и *Валеты* встречаются по четыре раза, два из которых – в одной микросистеме; *Трубки* – более десяти (чаще, чем *Ленины*), но микросистему

формируют только один раз, причем на словообразовательной основе.

В данной статье мы представили антропонимические микросистемы, зафиксированные на территории Русского Севера и исторически связанных с ним областей. Представляется, что продолжение изучения семантической системности в прозвищной антропонимии продуктивно как для ономастических исследований – для описания функционирования прозвищ в деревенском микросоциуме, так и для психолингвистических – для расширения представлений о вариантах реализации ассоциативного потенциала онима.

Примечания

¹ Для упрощения подачи материала прозвища, извлеченные из антропонимических картотек Топонимической экспедиции, приводятся без ссылок, только с указанием территории.

² Ассоциативная связь имени *Елизавета* с апеллятивом *лиса* подтверждается и другими примерами и возникает, по-видимому, за счет фонетического сходства деминутива: *Елизавета* > *Лиза* > *Ли[с]ка* > *лиса*, ср. волог. (бабуш.) *Ліса* ‘прозвище жительницы д. Дресвяново Елизаветы Михайловны Петровой’: «Во-первых, Лизавета, а во-вторых, на лису похожа, но не хитрая».

³ Ср. арх. *залёдка*, *загрёвка* – селедка, которую ловят в апреле и в июле соответственно [ЛК ТЭ].

⁴ Ср. арх. *шанара* – вид утки [ЛК ТЭ].

⁵ *Яреньжана* – жители д. Яреньга.

⁶ В данном примере интересно обыгрывание прозвища мужа: *Тузик* одновременно ассоциируется с распространенной кличкой собаки (и, вероятно, именно это значение и имелось в виду при возникновении прозвища) и одной из игровых карт (эта ассоциация актуализируется в микросистеме).

⁷ Примеров использования в качестве прозвищ фамилий известных личностей значительно больше, однако не во всех случаях очевидны системные связи между ними. Так, например, объединяя в одном высказывании несколько «отфамильных» прозвищ, информанты могут отмечать скорее тенденции выбора онима: «До войны были у нас Папанин, Чкалов, Ворошилов. А после войны появились Борман, Фриц, Ганс» (арх. (онеж.)) или «У соседей был Толя-Немец, Валя-Гитлер, Лида-Крыса, Таня-Слониха, что к чему. Ну Таня – она хоть толстая, а почему так звали Толя-Немец, Валя-Гитлер?» (арх. (лен.)).

⁸ *Зозуля* – известный сорт огурцов.

⁹ Ср. арх. *курунушка* – метель [СГРС 6: 294].

¹⁰ Ср. арх. *кутерьга* – ‘пурга, метель’ [СГРС 6: 315].

¹¹ В говорах фиксируются слова *козлиха* и *козлуха* в значении ‘коза’, однако единично; по

всей видимости, они уступают в употребительности общенародному слову. Рассмотрение прозвищ, связанных такого рода семантико-словообразовательными отношениями, мы будем считать перспективой настоящей работы.

¹² При более продуктивных для женских антропонимов *Петушиха* – муж *Петух*.

¹³ По-видимому, семантическую системность можно предположить в том случае, когда в апеллятивной лексике названия родителей и детской образуются от разных корней, ср. кир. (дар.) *Свинья* и *Поросёнок*: «Отец имел прозвище Свинья».

Список источников

ЛК ТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург).

АК ТЭ – Антропонимическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург).

Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.

Список литературы

Березович Е. Л. К вопросу о лексическом варьировании в ономастике // Проблемы варьирования языковых единиц. Екатеринбург, 1994. С. 46–53.

Берестова Е. А. Система прозвищ диалектной языковой личности // Вопросы ономастики. 2015. № 2(19). С. 141–155.

Боронина О. В. К вопросу об отфамильных прозвищах // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14 (Собственные имена в системе языка). С. 111–115.

Буганов В. И. Предисловие // Веселовский С. Б. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 3–8.

Верховых Л. Н. Антропонимическое пространство сел Абрамовка Таловского района и Красное Новохоперского района Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 301 с.

Визгалов П. И. Соответствие прозвища объекту // Ономастика Поволжья: материалы II Поволжской конференции по ономастике. Горький, 1971. С. 90–95.

Визгалов П. И. Синонимия и вариантность прозвищ // Ономастика Поволжья: материалы III

Поволжской конференции по ономастике. Уфа, 1973. С. 167–171.

Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 294 с.

Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи: явление языковой игры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 37 с.

Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3(25). С. 148–157.

Гузнова А. В. Роль прозвищ в жизни общества (на материале арзамасских говоров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1(79). Ч. 1. С. 89–93.

Денисова Т. Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007. 195 с.

Кокарева И. П. Ономастикон одного ярославского говора: Села Исакова, деревень Мятсево и Пустынь Первомайского района: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 197 с.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Антропонимическое воплощение семейного единства в средневековой Руси // Русская речь. 2021. № 6. С. 77–97.

Поротников П. Т. Женские прозвания на -их(а) в говорах Талицкого района Свердловской области // Вопросы топониматики. Вып. 4. Свердловск, 1970. С. 54–70.

Поротников П. Т. Отпрозвищные антропонимы южной части Талицкого района Свердловской области // Вопросы ономастики. 1975. № 10. С. 88–99.

Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 97–198.

Сьянова Е. И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей: на материале говоров Воронежского Прихопёрья: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 368 с.

Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. М., 1959. 126 с.

References

Berezovich E. L. K voprosu o leksicheskom var'irovanii v onomastike [On lexical variation in onomastics]. *Problemy var'irovaniya yazykovykh edinits* [The Issues of Variation of Linguistic Units]. Yekaterinburg, 1994, pp. 46–53. (In Russ.)

Berestova E. A. Sistema prozvischch dialektnoy yazykovoy lichnosti [The system of nicknames in a dialect speaker's onomasticon]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2015, issue 2(19), pp. 141–155. (In Russ.)

Boronina O. V. K voprosu ob otfamil'nykh prozvischchakh [On nicknames derived from surnames]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 1980, issue 14 (Sobstvennyye imena v sisteme yazyka [Proper names in the language system]), pp. 111–115. (In Russ.)

Buganov V. I. Predislovie [Preface]. In: Veselovskiy S. B. *Onomastikon: drevnerusskie imena, prozvischcha i familii* [Onomasticon: Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. Moscow, 1974, pp. 3–8. (In Russ.)

Verkhovyykh L. N. *Antroponimicheskoe prostranstvo sel Abramovka Talovskogo rayona i Krasnoe Novokhoperskogo rayona Voronezhskoy oblasti*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The anthroponymic space of the villages Abramovka of the Talovsky district and Krasnoe of the Novokhopersky district, Voronezh region. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2008. 301 p. (In Russ.)

Vizgalov P. I. Sootvetstvie prozvischcha ob'ektu [Matching a nickname to an object]. *Onomastika Povolzh'ya: materialy II Povolzhskoy konferentsii po onomastike* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the II Volga Conference on Onomastics]. Gorky, 1971, pp. 90–95. (In Russ.)

Vizgalov P. I. Sinonimiya i variantnost' prozvischch [Synonymy and variation of nicknames]. *Onomastika Povolzh'ya: materialy III Povolzhskoy konferentsii po onomastike* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the III Volga Conference on Onomastics]. Ufa, 1973, pp. 167–171. (In Russ.)

Vorontsova Yu. B. *Kollektivnye prozvischcha v russkikh govorakh*. Diss. kand. filol. nauk [Collective nicknames in Russian dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2002. 294 p. (In Russ.)

Gridina T. A. *Assotsiativnyy potentsial slova i ego realizatsiya v rechi: yavlenie yazykovoy igry*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [Associative potential of the word and its realization in speech: The phenomenon of language play. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1996. 37 p. (In Russ.)

Gridina T. A. Assotsiativnyy potentsial slova kak osnova lingvisticheskoy kreativnosti: eksperimental'nye dannye [Associative potential of the word as the basis of linguistic creativity: experimental data]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2015, issue 3 (25), pp. 148–157. (In Russ.)

Guznova A. V. Rol' prozvischch v zhizni obshchestva (na materiale arzamasskikh govorov) [The role of nicknames in social life (based on the material of Arzamas dialects)]. *Filologicheskie nauki. Vo-*

prosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice], 2018, issue 1 (79), pt. 1, pp. 89–93. (In Russ.)

Denisova T. T. *Prozvischcha kak vid antroponimov i ikh funktsionirovanie v sovremennoy rechevoy kommunikatsii: na materiale prozvischch Shumyachskogo i Ershichskogo rayonov Smolenskoj oblasti*. Diss. kand. filol. nauk [Nicknames as a type of anthroponyms and their functioning in modern speech communication: based on nicknames of the Shumyachsky and Yershichsky districts of the Smolensk Region. Cand. philol. sci. diss.]. Smolensk, 2007. 195 p. (In Russ.)

Kokareva I. P. *Onomastikon odnogo yaroslavskogo govora: Sela Isakova, dereven' Myatsevo i Pustyn' Pervomayskogo rayona*. Diss. kand. filol. nauk [Onomasticon of one Yaroslavl dialect: the village of Isakov, the villages of Mytsevo and Pustyn of the Pervomaisky district. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1998. 197 p. (In Russ.)

Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Antroponimicheskoe voploshchenie semeynogo edinstva v srednevekovoy Rusi [Anthroponymic embodiment of family unity in Medieval Rus']. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2021, issue 6, pp. 77–97. (In Russ.)

Porotnikov P. T. Zhenskie prozvaniya na -ikh(a) v govorakh Talitskogo rayona Sverdlovskoy oblasti [Female nicknames ending with -ikh(a) in the dialects of the Talitsky district of the Sverdlovsk region]. *Voprosy toponomastiki* [Issues of Toponomastics], 1970, issue 4, pp. 54–70. (In Russ.)

Porotnikov P. T. Otprozvishechnye antropotoponimy yuzhnoy chasti Talitskogo rayona Sverdlovskoy oblasti [The nickname anthropotoponyms of the southern part of the Talitsky district of the Sverdlovsk region]. *Voprosy onomastiki* [Issues of Onomastics], 1975, issue 10, pp. 88–99. (In Russ.)

Selishchev A. M. *Proiskhozhdenie russkikh familiy, lichnykh imen i prozvischch*. Diss. kand. filol. nauk [The origin of Russian surnames, personal names, and nicknames]. In: Selishchev A. M. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow, 1968, pp. 97–198. (In Russ.)

S'yanova E. I. *Onomasticheskiy kod v mental'nom prostranstve dialektonositeley: na materiale govorov Voronezhskogo Prikhoper'ya*. Diss. kand. filol. nauk [Onomastic code in the mental space of dialect speakers: based on dialects of the Voronezh Prikhoper'e. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2007. 368 p. (In Russ.)

Chichagov V. K. *Iz istorii russkikh imen, otchestv i familiy: Voprosy russkoy istoricheskoy onomastiki XV–XVII vv.* [From the History of Russian Names, Patronymics and Surnames: Issues of Russian Historical Onomastics of the 15th–17th centuries]. Moscow, 1959. 126 p. (In Russ.)

Semantic Microsystems in the Nickname Anthroponymy of the Russian North

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (grant project No. 23-18-00439 'Onomasticon and Linguocultural History of European Russia')

Elizaveta O. Borisova

Associate Professor in the Department of Russian Language for Foreign Students

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

19, Mira st., Yekaterinburg, 614990, Russian Federation. joborisowa@yandex.ru

SPIN-code: 8131-6080

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3749-3307>

ResearcherID: J-3727-2017

Submitted 13 Apr 2023

Revised 08 May 2023

Accepted 08 Jun 2023

For citation

Borisova E. O. Semanticheskie mikrosistemy v prozvizhchnoy antroponimii Russkogo Severa [Semantic Microsystems in the Nickname Anthroponymy of the Russian North]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 3, pp. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2023-3-5-15 (In Russ.)

Abstract. The article analyzes semantic microsystems in the nickname anthroponymy of the Russian North, which are understood as two or more nicknames formed from semantically related (synonymous, antonymous, belonging to the same thematic group, etc.) appellative lexemes and functioning in one microcommunity. The material for analysis was extracted from the files of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University, most of it is being introduced into scientific circulation for the first time. The first part of the article lists the noted semantic microsystems and defines the types of systemic relations of the appellative vocabulary that are actualized in the nickname anthroponymy; the second part of the article focuses on social relations between people that increase the likelihood of giving them semantically related nicknames. A village micro community is a rather closed system, within which all participants know each other well, while first and last names are highly repeatable, and therefore nicknames primarily perform characterizing and distinctive functions. In a semantic microsystem, an onym realizes its associative potential and at the same time marks a person's place in society (belonging to a family, social and work-related ties, etc.), thus strengthening the functions of a particular nickname. Semantic microsystems are most productively formed by words from the same thematic group (*Kopeck* and *Polushka*, which is a quarter-Kopeck coin, *Gruzd* and *Volnushka*, which are names of mushrooms), antonyms and oppositions (*Vaska the White* and *Vaska the Black*; *Vanka Nagorny* and *Vanka Podgorny*), and it is typical for husbands and wives, brothers and sisters, as well as friends and girlfriends, respectively, to be given semantically related nicknames

Key words: anthroponymy; Northern Russian dialects; nicknames; associative potential of the word; semantic microsystem.